

Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство

Перспективы России

*Константин Богданов, Ирина Кобринская,
Борис Фрумкин*

К.В. Богданов – кандидат технических наук, руководитель сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Национального исследовательского ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

И.Я. Кобринская – кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационных анализов Национального исследовательского ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Б.Е. Фрумкин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра ситуационных анализов Национального исследовательского ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97

Взрывной рост внимания к Глобальному Югу (ГЮ) – закономерное следствие сочетания тенденций и факторов последнего десятилетия. Богатство ресурсов, огромное пространство для инвестиций в инфраструктуру и колоссальное население (потенциальный потребительский рынок) заставляют основных мировых игроков начать борьбу за внимание Глобального Юга. Наряду с США, Евросоюзом, Китаем, Индией и арабскими монархиями Россия способна предложить оригинальную и устойчивую повестку взаимодействия. Она обусловлена её собственными сильными сторонами в области внешней торговли и безопасности, а также прагматичной комплементарностью, снимающей полити-

ко-идеологические барьеры на пути выстраивания двух- и многосторонних отношений со странами ГЮ.

О ПРИЧИНАХ

Основанием для переориентации на Глобальный Юг стали изменения в процессах глобализации. К середине 2010-х гг. глобализация замедлилась в силу объективных торгово-экономических, финансовых и технологических причин, наиболее интересным образом это проявилось в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Процесс регионализации в АТР отчасти был и реакцией на «разворот на Восток» Барака Обамы. Пандемия *COVID-19* усугубила фрагментацию, подчеркнув роль национальных государств, ослабив интеграционные тренды не только в глобальном, но и региональном масштабе, нарушила логистику и спровоцировала «вакцинную войну». Больше всего от пандемии пострадал Глобальный Юг, прежде всего – Африка.

В ряду базовых факторов «поворота на Юг» – бурный рост экономического и политического влияния Китая. Инициированный Пекином в 2013 г. проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) по направлению противоположен «развороту на Восток». Одновременно Китай быстро превращался в центр усиливающегося и набирающего самостоятельность Азиатско-Тихоокеанского региона. Во второй половине 2010-х гг. Китай в рамках ОПОП начал планомерное экономическое наступление на Африку.

В середине 2010-х гг. благополучие самых сытых стран Евросоюза оказалось нарушено неконтролируемыми потоками мигрантов, бегущих от конфликтов и голода, вызванного среди прочего климатическими изменениями на Юге. Запад продемонстрировал неспособность решить проблемы Глобального Юга, представляющего, с одной стороны, угрозы его стабильности, но с другой – обладающего огромными ресурсами и уникальным потенциалом производства и рынков сбыта в средне- и долгосрочной перспективе. Налицо деградация послевоенных международных институтов, включая ООН и МВФ. Система, выстроенная по лекалам и под потребности двухполюсного мира, не способна быстро и адекватно реагировать на острые кризисы. Программы ООН, рассчитанные на десятилетия (продовольственные, климатические и иные), мало результативны. Плохо работают проекты МВФ.

Тем временем наряду с забюрократизированными организациями эпохи модерна стали появляться альянсы эпохи пост-постмодерна: союзы «по интересам», допускающие «двойное, тройное и более» членство, учитывающие позиции суверенных национальных государств, допускающие и даже предполагающие многовекторность их внешних политик¹. На практике именно такие формации – от БРИКС до Форума сотрудничества Индии и Тихоокеанских островов – проявляют активный интерес к ГЮ, предлагая проекты и услуги *a la carte*.

Наконец, сигнальным выстрелом, запустившим гонку за Глобальный Юг, стал украинский конфликт. Голоса 54 государств – членов Группы африканских стран в ООН ценятся на вес золота в голосованиях Генеральной Ассамблеи по соответствующим резолюциям. Ситуацию усугубило обострение ближневосточного конфликта. Как показывает анализ голосований в Генассамблее, мировое большинство отнюдь не готово следовать воле Запада.

На данном этапе очевидны различия целей относительно ГЮ трёх ведущих мировых акторов: Запада, Китая и России.

В подходе Запада Глобальный Юг присутствует не как отдельный приз, но как условие *sine qua non* успеха в конкуренции с Китаем и Россией. Ось Север–Юг становится одной из ключевых в формировании нового баланса Запад–Восток. Усилия западных игроков (отчасти вынужденно) направлены на предотвращение или сдерживание, а по большому счёту – на локализацию исходящих от ГЮ рисков и угроз. В современных условиях это подразумевает помощь в развитии, в частности через программы ООН и ЕС. Для Китая, уже давно и масштабно инвестирующего в ГЮ, присутствие там – проекция растущей экономической, а в последнее время и политико-дипломатической мощи с прицелом на будущее. России сегодня Глобальный Юг предоставляет не только реальные возможности преодоления изоляции, но и – при определённых условиях – дополнительные возможности для укрепления позиций².

¹ См.: Bogdanov K. Flexible Coalitions: Origins and Prospects // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 132–150; Кобринская И. Россия в мировой политике: Quo vadis? В кн.: В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьёв (Ред.), Год планеты. Выпуск 2023 г.: экономика, политика, безопасность. М.: Идея-пресс, 2024. С. 56–69.

² Богданов К., Кадырмамбетов Т., Кобринская И., Фрумкин Б. «Поворот на Юг»: вызовы и возможности для России и постсоветских республик // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. No. 2. С. 71–90.

ЧТО ЕСТЬ ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ?

Глобальный Юг, в первую очередь Африка, по-прежнему синонимичен понятию «третий мир», на смену которому в конце 1960-х гг. и пришёл этот термин. ГЮ однозначно не принадлежит к миру западному, поэтому в последнее время часто определяется как «не-Запад». Его изначальное отставание от Запада как «развивающегося мира» сохраняется, но снова преимущественно в Африке. Помимо экономических индикаторов, принадлежность к ГЮ определяется постколониальным прошлым как частью цивилизационной идентичности многих государств Юга.

Эта глубинная черта находит отражение в двух устойчивых дискурсах. **Во-первых**, застарелые обиды и недоверие к бывшим метрополиям и антиамериканизм в значительной степени обуславливают позицию многих государств ГЮ по важнейшим актуальным политическим и экономическим вопросам как отличную от западной. И это даёт определённые преимущества Москве, нередко сохраняющей ещё советский имидж борца с колониализмом. Антиколониальный дискурс и нарратив – реальные или мнимые – остаются значимым политическим инструментом в странах ГЮ. Критики на Западе называют российскую политику в Африке «дипломатией памяти»³.

Вторая ипостась исторических рефлексий стран ГЮ – стремление к необязывающим объединениям и приверженность позиции неприсоединения. В этом смысле мало что изменилось со времен Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки в 1955 г. и официального создания Движения неприсоединения на Белградской конференции в 1961 году. Парадоксально, но большинство стран Юга, находящихся на стадии развития модерна, а часть из них – архаики – предпочитают во внешних связях форматы пост-постмодерна.

Нынешняя карта ГЮ мало отличается от предложенной экс-канцлером ФРГ Вилли Брандтом в 1980-е гг. в докладе «Север-Юг: программа выживания»⁴. Брандт разделил мир по 30-й параллели

³ Brzozowski A., Fox B. How Europe Seeks to Battle Russia's Charm Offensive in Africa // Euractiv.com. 01.03.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/how-europe-seeks-to-battle-russias-charm-offensive-in-africa/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴ Lees N. The Brandt Line After Forty Years: The More North-South Relations Change, The More They Stay the Same? // Review of International Studies. 2020. Vol. 47. No. 1. P. 85–106.

северной широты. Всё, что выше этой линии, начали называть «Севером», а ниже — «Югом». Исключениями стали Япония, Австралия и Новая Зеландия – их записали в «Глобальный Север».

По экономическим показателям большинство стран ГЮ действительно остаются бедными. Однако на 25 крупнейших неприсоединившихся экономик ГЮ приходится 45 процентов населения мира, а их доля в мировом ВВП выросла с 11 процентов в 1992 г. до 18 процентов в 2023 г., т.е. сейчас она больше, чем доля ЕС. В этой связи *The Economist* подчёркивает, что самая влиятельная сила в мире не США и Китай, а многочисленные страны, которые не пожелали осуждать Россию и руководствуются собственными прагматическими интересами. «Оказавшись между Америкой, Китаем и Россией, многие страны не намерены выбирать сторону. Они стремятся заключать сделки, преодолевая разногласия. Этот транзакционный подход меняет геополитику и чреват расколом сверхдержав»⁵.

Что изменилось, так это самоощущение, самовосприятие государств ГЮ. В русле современных тенденций сохранения суверенитета, опоры на национальные интересы, хеджирования рисков путём многовекторных внешних связей государства Глобального Юга укрепляют субъектность в мировой политике. Все эти явления, кстати, свидетельствуют о принципиальных отличиях нынешнего этапа транзита мироустройства от геополитических сдвигов конца 1980-х – начала 1990-х годов. Позиция стран ГЮ кардинально иная, чем у оказавшихся свободными в начале 1990-х гг. государств Восточно-Центральной Европы. Те лимитрофы, уходя от России, стремились как можно скорее войти в союз с Западной Европой, Евроатлантической системой безопасности, передать им свои суверенные полномочия.

В 2020-е гг., когда очевидной становится деградация традиционных западных институтов, а фокус быстро смещается на Юг и Восток, страны Глобального Юга перестают быть отсталым «третьим миром», но становятся пространством возможностей. Символично, что Китай, отказывавшийся признавать себя страной ГЮ, в 2023 г. официально заявил о принадлежности к нему.

⁵ How to Survive a Superpower Split // *The Economist*. 11.03.2023. URL: <https://www.economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split> (дата обращения: 20.07.2024).

Крупные экономики Юга, помимо Китая это в первую очередь Индия и Бразилия, резко усилили активность в Африке. Идёт развитие ранее практически отсутствовавшего сетевого взаимодействия по линии «Юг-Юг», в основе которого реальные интересы стран ГЮ. Эта линия отражает актуальные и будущие изменения в приоритетах, повестках и мировой иерархии крупнейших незападных грандов – Китая, Индии, богатых монархий Персидского залива. Нельзя исключать, что лидером ГЮ станет Индия, пользующаяся на этом огромном пространстве поддержкой и бóльшим доверием, чем Китай, который проводит жёсткую экономическую политику в Африке.

Так, Джеймс Марапе, премьер-министр Папуа – Новой Гвинеи, призвал в мае 2023 г. премьер-министра Индии Нарендру Моди на Форуме сотрудничества Индии и Тихоокеанских островов выступить представителем ГЮ перед лицом Глобального Севера. Приветствуя Моди в качестве лидера сообщества, Марапе предположил, что островные государства Тихого океана поддержат его на международных форумах. Индия, как и Китай, апеллирует к общему опыту колониального прошлого и использует возникающую на этом основании солидарность для укрепления связей со странами Глобального Юга. Однако в позициях Нью-Дели и Пекина есть существенные различия, отражающие видение и позиционирование двух азиатских гигантов в мировой политике.

Индия выступает медиатором, готовым стимулировать сотрудничество стран ГЮ с Западом на более справедливых условиях. Контакты Индии с Глобальным Югом строились в основном на двусторонней основе, но Нью-Дели пытался обеспечить многостороннюю инклюзивность. Индия успешно продвигала включение Африканского союза (АС) в группу G20. В результате на сентябрьской встрече G20 в 2023 г. Африканский союз был избран постоянным членом. Взаимодействуя со всем Индо-Тихоокеанским регионом от восточноафриканских стран до островов Тихого океана, включая Тайвань, Индия пробует силы в качестве поставщика услуг в сфере безопасности, особенно безопасности человека, которая пользуется спросом во всём регионе. Чтобы помочь странам, жёстко закредитованным Китаем, Индия выступила на «двадцатке» за расширение кредитования более бедных стран,

увеличение их финансирования Всемирным банком. «От Тихоокеанских островов до Восточной Африки Индия может объединить регион так, как Запад не может, а Китай – не хочет»⁶.

Китай стремится к укреплению собственных экономических и политических позиций в ГЮ, созданию механизмов, способных противостоять Западу. Как отмечают западные аналитики, на таких же основах строится и политика России. Вкладывая значительные средства и создавая инфраструктуру в рамках инициативы «Пояс и Путь», Китай позиционирует себя как альтернативу Соединённым Штатам. Индия пытается усилить влияние, являя себя в качестве посредника, понимающего интересы Глобального Юга и одновременно оказывающего влияние на США. Конкуренции/соперничества Китая и Индии за лидерство на Глобальном Юге не исключают и в одном из старейших мозговых центров – Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Как резервный, пока не использованный потенциал для Индии, там рассматривается Юго-Восточная Азия, «озабоченная внутренними проблемами и ограниченная устаревшими механизмами АСЕАН»⁷.

Не столь амбициозно, но не менее активно действуют в Африке богатые ближневосточные монархии. Так, ОАЭ укрепляют экономические связи с Анголой и другими африканскими странами, в частности Замбией и Демократической Республикой Конго, обещая значительные инвестиции в критически важные сектора – энергетику, включая возобновляемую, сельское хозяйство, ИТ и морскую логистику. В 2023 г. заключён контракт на постройку трёх 71-метровых корветов *BR71 Mk II* для ангольских ВМС. С 2012 по 2022 г. прямые инвестиции Эмиратов в Африку составили 59,4 млрд долларов, что сделало их третьим по величине вкладчиком на континенте (после Китая и США). В свою очередь, Ангола готова обеспечить ОАЭ большую продовольственную безопасность, предлагает потенциальный доступ к важнейшим полезным ископаемым, растущий потребительский рынок и возможность углубить

⁶ Ramesh A., Pascal C. From Non-Alignment to Realignment // Comparative Connections. 2023. Vol. 25. No. 2. P. 65.

⁷ Miller M.C. China and India Compete for Leadership of the Global South // Council on Foreign Relations. 01.02.2024. URL: <https://www.cfr.org/blog/china-and-india-compete-leadership-global-south> (дата обращения: 20.07.2024).

влияние на континенте на фоне сокращения китайских инвестиций. В планах Эмиратов превратиться в центр, соединяющий Африку, Ближний Восток и Азию, а региональная динамика отражает появление многоузлового (*multinodal*) мирового порядка. Такая стратегия, сокращающая зависимость африканских стран от Китая, получает и поддержку Запада⁸.

ЗАПАД НА НЕ-ЗАПАДЕ

В отличие от Китая, движущегося в ГЮ с неотвратимостью асфальтоукладчика, Индии, пытающейся, пусть и с меньшими ресурсами и вложениями, выстраивать новую глобальную неконфликтную сетевую структуру, Эмиратов, приступивших к активному освоению «своего» региона, старые патроны Глобального Юга, похоже, не нашли пока эффективных форматов взаимодействия с ним. Для Евросоюза и его отдельных стран непреодолимым препятствием остаётся, с одной стороны, память о колониальном прошлом, а с другой, что ещё важнее, неверный выбор стратегии.

Менее чем через три года после запуска в конце 2021 г. Европейским союзом стратегии «Глобальный портал» (*Global Gateway*) для Глобального Юга (300 млрд евро до 2027 г.) в самом Брюсселе её подвергли жёсткой критике как неэффективную. Базовой целью ЕС остаётся попытка разменять свою помощь и поддержку на ужесточение африканскими странами борьбы с нелегальной миграцией. Евросоюз обещал выделить несколько миллиардов евро – в первую очередь государствам Северной Африки – для контроля над миграцией после того, как ЕС удвоил усилия по репатриации и решению проблем нелегального пересечения границ. «Политика развития Европы... мотивируется... устойчивым сближением с европейскими ценностями, которых она сама не всегда придерживается. Это вызывает подозрения и обвинения в лицемерии со стороны стран – получателей помощи. Они могут хорошо понимать экономические реалии и деловые отношения, что продемонстрировал Китай, но им не нравится покровительственное отношение. Политика ЕС в отношении ГЮ нуждается

⁸ Ribe A.V. Angola's Growing Strategic Significance for the UAE // IISS. 12.07.2024. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/07/angolas-growing-strategic-significance-for-the-uae/> (дата обращения: 20.07.2024).

в перезагрузке». Такую жёсткую оценку дал Роман Влахутин, бывший посол ЕС по проблемам взаимодействия⁹.

Обновлённая в августе 2022 г. стратегия Соединённых Штатов в отношении Африки южнее Сахары¹⁰ традиционно нацелена на поддержку демократических ценностей, но уже в духе новых тенденций «приветствует субъектность» Африки. Однако реальное (экономическое, ресурсное, логистическое) значение региона для США, судя по документу, соотносится скорее с серединой XXI века, в то время как сегодня политика Вашингтона сфокусирована на сдерживании активности здесь соперников США.

Совсем размытой, отстранённой и даже «пораженческой» выглядит и стратегия, предлагаемая вице-президентом «Фонда Карнеги за международный мир»¹¹ Эндрю Вайсом: «Правильный путь для Америки – противостоять России в Африке. Помогать демократиям, и пусть привлекательность Москвы угаснет в автократиях <...> Вместо того чтобы просто пытаться бороться за расположение африканских лидеров, которые иногда являются для Соединённых Штатов скорее обузой, чем активом, Вашингтон должен продолжать помогать своим нынешним партнёрам обеспечивать хорошее управление, экономические возможности и безопасность для своих граждан. Такая помощь может как улучшить жизнь простых африканцев, так и уменьшить вероятность того, что их правительства обратятся к России в будущем. Что касается стран, которые уже обратились к России, Вашингтон должен признать, что во многих случаях наиболее плодотворная политика – каким бы трудным ни было бездействие – сделать шаг назад и позволить привлекательности России угаснуть самой по себе»¹².

⁹ Vlakhutin R. Can the Global South Win from China's Loss? // Euractiv. 28.11.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/opinion/can-the-global-south-win-from-chinas-loss/> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁰ U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa // The White House. 08.08.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).

¹¹ Решением Министерства юстиции Российской Федерации от 14 апреля 2023 г. включён в реестр иностранных агентов. Решением Министерства юстиции Российской Федерации № 896-р от 18 июля 2024 г. объявлен организацией, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹² Wehrey F, Weiss A.S. The Right Way for America to Counter Russia in Africa // Foreign Affairs. 09.07.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/right-way-america-counter-russia-africa> (дата обращения: 20.07.2024).

Вашингтон, покинувший Афганистан, но вынужденный вмешаться в конфликты на Украине и Газе, скорее всего, в обозримом будущем не будет активно участвовать в конкуренции за Глобальный Юг. Аргументом в пользу этой гипотезы является и то, что в предлагаемом плане действий не упоминается Китай. То есть вести целенаправленную борьбу здесь со своим главным противником, также недавно идентифицировавшим себя как часть Глобального Юга, американские эксперты на предстоящий период не предлагают.

ЧТО МОЖЕТ РОССИЯ В СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ?

Россия, резко активизировавшая работу на Глобальном Юге, обладает достаточно большим – по нынешним меркам – запасом времени, до 5–7 лет, чтобы использовать окно возможностей, возникшее в связи с очевидной неготовностью Запада всерьёз заниматься решением проблем ГЮ. Евросоюз, переживший «момент истины» и сплотившийся в 2022 г., в ближайшие годы, как показали выборы в Европарламент, будет преодолевать внутренние идеологические и иные разногласия с малопредсказуемым результатом. Тем более что одним из главных маркеров противоречий между правыми и левыми политическими силами, затрагивающим все слои европейских обществ, является вопрос миграции – производный от проблем ГЮ. В обозримой перспективе никуда не денется и антиколониальный дискурс. Независимо от результатов выборов в Соединённых Штатах, которые сосредоточены на противостоянии с Китаем, там вряд ли резко усилится внешнеполитический вектор Глобального Юга.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. чётко прописаны вопросы приложения сил и ресурсов на этом направлении¹³. Приоритетное внимание Россия намерена уделять (п. 1) «поддержке в обеспечении суверенитета и независимости заинтересованных государств Африки, в том числе посредством оказания содействия в сферах безопасности, включая продовольственную и энергетическую безопасность, военного и военно-технического сотрудничества». Сегодня Глобальный Юг

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 20.07.2024).

предоставляет России не только реальные перспективы преодоления изоляции, но и – при определённых условиях – дополнительные возможности укрепления международных позиций.

Очевидными преимуществами Москвы, помимо отсутствия обвинений в колониальном угнетении народов Африки, является многолетний опыт ведения дел с африканскими режимами, наличие значительной прослойки дружественно настроенных к России элит. Важно, что помимо привычных двусторонних связей Москва предлагает странам ГЮ взаимодействие в новых форматах – современных, адекватных нынешним международным реалиям институтам и механизмам сотрудничества. В первую очередь – в активно растущей и развивающейся БРИКС, где Россия тесно взаимодействует с ведущими экономиками ГЮ: Китаем, Индией, ОАЭ.

Данное преимущество одновременно предполагает и достаточно острую проблему – конкурентами России на Глобальном Юге будут её главные партнёры в мировой политике. Тот же Китай, главный внешнеэкономический актор в регионе, и Индия, играющая роль «проводника ГЮ в мировое сообщество». Учитывая эти критически важные обстоятельства, а также сравнительную ограниченность возможностей России, более заметную роль Москва, с высокой вероятностью, будет играть в некоторых отраслях экономики, впрочем, имеющих большой социальный вес, а также – и преимущественно – в сфере безопасности¹⁴.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – «ЮЖНЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ЮЖНЫХ ПРОБЛЕМ»

Одним из решающих фронтов борьбы за мировое большинство является продовольственный, экзистенциально значимый для большинства стран Глобального Юга. В известном тезисе, приписываемом Генри Киссинджеру, «контролируя нефть, вы контролируете целые государства; контролируя продовольствие, вы контролируете народы» частично снизилась актуальность лишь первой части. Вторая остаётся не только глубоким рубцом на исторической памяти всех стран Юга, но для многих – повседневной страшной реальностью.

¹⁴ Картунов А. Кризис миропорядка и Глобальный Юг. Доклад 59/2020. М.: РСМД, 2020. С. 7.

Именно здесь «коллективный Запад» всё больше утрачивает инициативу и способность предложить адекватные формы обеспечения продовольственной безопасности в национальном, региональном и глобальном измерениях. Понятия «развивающиеся» применительно к странам ГЮ и «развитые» – к странам Глобального Севера начинают отражать не столько нынешнее соотношение уровней экономического развития, сколько потенциал роста и изменения геоэкономической и геополитической конфигурации в пользу ГЮ. За последние два десятилетия продовольственная независимость и международное позиционирование стран ГЮ в этой сфере изменились. ГЮ перестал быть вынужденным импортёром продовольствия из стран «богатого Запада» и хроническим реципиентом западной же по преимуществу продовольственной помощи, он превратился в самостоятельного и влиятельного игрока в мировом продовольственном хозяйстве. В среднем за 2021–2023 гг. доля ГЮ в мировом производстве базовых видов продовольствия (пшеницы, кукурузы, сахара, растительных масел, мяса, ряда молочных продуктов) достигла 48–77 процентов, а риса, являющегося основным продуктом питания для половины населения мира, – почти 97 процентов¹⁵. На ГЮ приходится более 50 процентов глобального агропродовольственного экспорта и импорта, причём свыше 60 процентов экспортно-импортных связей обеспечивается торговлей «Юг–Юг». В 2020–2022 гг. в ведущих странах ГЮ показатель «распространённости недоедания», применяемый ООН для измерения масштабов голода, был в 1,2–3,0 раза ниже среднемирового, а, например, в Китае и ОАЭ – равен показателям Северной Америки и Европы¹⁶, т.е. на уровне «нулевого голода», поставленного ООН как стратегическая цель человечества.

Существующие направления и механизмы двух- и многостороннего международного сотрудничества, не учитывающие этих перемен, недостаточно адекватны для решения текущих, а тем более перспективных проблем. Нарушения торгово-логистических агропродовольственных цепочек, связанные с пандемией *COVID-19* и антироссийскими санкциями Запада после начала

¹⁵ OECD-FAO Agricultural Outlook 2024–2033. Paris, Rome: OECD, FAO, 2024. 335 p.

¹⁶ The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural–Urban Continuum. Rome: FAO, 2023. 286 p.

СВО, показали неэффективность международных бизнес-структур (например, ABCD – «большой четвёрки» американских компаний, контролирующих до 70 процентов мирового рынка зерна) и основных межгосударственных организаций – от ООН до МВФ и ВБ. Устарели и ориентированные на превосходство «коллективного Запада» подходы к регулированию двусторонних отношений. Это отчётливо проявилось, например, в затягивании переговоров Евросоюза с МЕРКОСУР о зоне свободной торговли из-за навязывания латиноамериканским странам повышенных экоклиматических требований к производству продовольствия. Инвестиционные кредиты Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) по-прежнему не в полной мере учитывают специфику необходимых для стран ГЮ технологических решений. Проект ЕС «Глобальный портал», альтернативный китайской инициативе «Пояс и Путь», по сути, игнорирует нужды аграрного сектора развивающихся стран, в то время как торговля участниц «Пояса и Пути» с Китаем за 2013–2022 гг. возросла на 35 процентов, почти до 110 млрд долларов – примерно до 30 процентов всей его внешней агропродовольственной торговли¹⁷.

Лидеры ГЮ особенно активны в продовольственном секторе Африки, где они в отличие от Запада применяют комплексные долговременные подходы, учитывающие специфику местных технологических и организационных потребностей и особенности государственного устройства. Китай создал в Африке около 30 демонстрационно-технологических центров, продвинув более трёхсот адаптированных передовых технологий, благодаря чему урожайность местных культур и доходы более миллиона фермеров повысились на 30–60 процентов. Китайские агропродовольственные инвестиции в Африке в 2023 г. приблизились к 2 млрд долларов, а оборот китайско-африканской торговли сельхозпродукцией – к 10 млрд долларов с перспективой удвоения в текущем десятилетии¹⁸.

¹⁷ Guo Yu. China's Food Trade with BRI Countries Soars 162% From 10 Years Ago // Global Times. 15.09.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298283.shtml> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁸ Roundup: China, Africa See Bright Prospect for Comprehensive Agricultural Cooperation // Xinhua. 15.11.2023. URL: <https://english.news.cn/20231115/d28b09535db84f658fc3284d9cbf6e62/c.html> (дата обращения: 20.07.2024).

Принципа «африканские решения для африканских проблем» придерживается и Индия с учётом многолетнего опыта проведения «зелёной революции» и акцента на производство местных культур для внутреннего потребления (просо, сорго), переработки и хранения сельхозпродукции. Этот тренд особенно заметен на фоне ухода из Африки в 2024 г. ряда транснациональных компаний, например, *Nestle*.

Возрастает и значение агропродовольственного сектора Африки как важного направления российского «поворота на Юг». Россия уже обеспечивает около 20 процентов африканского импорта пшеницы и ячменя, около 15 процентов – соевого и подсолнечного масла, наращивает поставки мяса птицы. Не меньшее, а возможно, и большее значение для продовольственной самообеспеченности имеют российские поставки минеральных удобрений, уже занимающие более 10 процентов африканского рынка. В ближайшие пять лет возможно удвоение поставок, причём с внедрением прогрессивных технологий применения удобрений. Это позволит эффективно дополнить агропродовольственную экспансию Китая, Индии и Бразилии, не только не располагающих значимым экспортным потенциалом минеральных удобрений, но и массово импортирующих их из России.

Африканские страны, как и другие партнёры России по ГЮ, негативно отреагировали на эгоистическую позицию Запада. Его политически мотивированные санкции вызвали нарушение торгово-логистических цепочек, спровоцировав в ряде случаев кризисы в аграрном секторе ряда стран Африки и ГЮ в целом. Зато оценили решимость и способность российского бизнеса и государства преодолевать последствия этих нарушений и предлагать альтернативные решения, нейтрализующие потенциальные угрозы применения таких санкций к странам ГЮ. Прежде всего это касается разрабатываемых в БРИКС предложений по созданию альтернативного западному (преимущественно американскому) биржевого рынка ГЮ – вначале зерна, затем и других продовольственных товаров, независимых от доллара и евро систем международных расчётов и платежей. Стратегическое партнёрство России и стран ГЮ в сфере глобальной продовольственной безопасности превращается в важный фактор их геополитического сотрудничества.

БЕЗОПАСНОСТЬ В НЕБЕЗОПАСНОМ МИРЕ

Обвальная трансформация неустойчивого миропорядка, сложившегося после окончания холодной войны, кардинально меняет акценты и сосредоточенность на вопросах безопасности. Различий между крупными державами и малыми нациями, между глобальными и локальными проблемами нет – прилив поднимает все корабли. Вопросы комплексной безопасности (ползучей секьюритизации всего) от ядерных рисков через энергетику и продовольствие до дезинформационных кампаний, вмешательств в выборы и защиты духовно-нравственных ценностей, что бы под ними ни понималось в конъюнктуре внутривластного управления, вышли на передний план мировых проблем. Мир, утративший равновесие, поразительно быстро возвращается к привычному образу действий: равновесие сил, балансирование на грани войны, силовое разрешение противоречий. Размораживаются старые конфликты и возникают новые, охватывая широким поясом нестабильности объект нашего исследования – Глобальный Юг.

Запрос на суверенизацию политики в сочетании с реальным или ощущаемым ростом внешних угроз отторгает понимание коллективной безопасности, которое начало было складываться в 1990-е гг. и может быть охарактеризовано как «аутсорсинг безопасности» (передача части или даже всех функций безопасности в руки державы-покровителя). Подобный подход работал при наличии в мире более или менее единых правил и позволял сосредоточиться на достижении экономического роста и укрепления общественного благосостояния за счёт снижения расходов на оборону и безопасность. Ход и исход процесса виден сейчас на примере стран Западной Европы, которые форсированно принимают одну за другой программы роста военных расходов и закупок новых вооружений, пытаясь отыграть почти тридцатилетний провал в этой области.

Россия – традиционный поставщик товаров и услуг в области безопасности на мировом рынке. Взаимодействие со странами ГЮ по линии безопасности выглядит не только перспективным, в силу складывающихся особенностей транзитного мироустройства повышенного риска, но и привычным, в том числе для многих потенциальных получателей этих товаров и услуг. Таким образом, **первым** из направлений может считаться военно-техническое сотрудничество.

Военно-техническое сотрудничество явно меняет парадигму в связи с переориентацией оборонной промышленности России на приоритетное удовлетворение растущих нужд собственных Вооружённых сил, ведущих активные боевые действия на Украине. Вывод, что Россия поэтому утратила позиции на мировых рынках оружия¹⁹, неверен, хотя может получить подтверждение в виде падения оценки доходов российского экспортного сегмента в краткосрочном периоде с 2022 года. Украинская кампания не только поглощает сейчас значительную часть усилий российской оборонки, но и даёт ценнейший опыт боевых действий, с чёткой расстановкой приоритетов военного строительства, оснащения вооружённых сил и совершенствования тактики. Сочетание дешёвизны, массовости и очевидной практичности решений военного времени с самой передовой тактикой, проверенной опытом активных боевых действий, – лучшее рыночное предложение из всех возможных для стран Юга, традиционно тяготеющих к вооружённым конфликтам небольшого размаха и экономии на закупках высокотехнологичных вооружений.

Заметим, что в центре украинского конфликта оказались не столько привычные дорогостоящие изделия высокоточного ракетного хайтека, сколько без преувеличения миллионные валы дешёвых (*do-it-yourself-style*) разведывательных и ударных беспилотников. В отличие от крылатых ракет и многофункциональных истребителей четвёртого и пятого поколений, такие боевые средства в сочетании с обучением передовой тактике их применения создают уникальную возможность для развития оборонных потенциалов стран ГЮ.

Дополнительным результатом украинской кампании, тоже вполне понятным для стран ГЮ, стал вывод о возвращении массового применения артиллерии как основного средства боя. Оно требует не только развитого производства (или закупки в случае с непроизводящими странами) артиллерийских систем и их компонентов – в первую очередь сменных стволов для решения проблемы быстро выбываемого ресурса при огромных масштабах

¹⁹ См., например: Tkach B., Banerjee V. The Eclipse of the Russian Arms Market // The National Interest. 15.06.2024. URL: <https://nationalinterest.org/feature/eclipse-russian-arms-market-211455> (дата обращения: 22.07.2024).

применения. Это ещё и миллионные же закупки артиллерийских снарядов типовых калибров (122, 152-155 мм, снаряды для реактивных систем залпового огня). И здесь Россия, успешно решающая проблему для себя, могла бы выступить надёжным и эффективным поставщиком, придав в средне- и долгосрочном периоде бóльшую экономическую устойчивость развёртываемым сейчас мощностям снарядного производства. Заметим, что страны ГЮ активно эксплуатируют ствольную и реактивную артиллерию российского, а чаще ещё и советского производства. Эта кажущаяся несовременность боевых средств играет на руку в условиях частичной архаизации боевых действий, сочетающих применение дронов с возвратом к массовому использованию относительно простой артиллерии.

Второе направление – обучение личного состава вооружённых сил и сил безопасности. Передача последних веяний в тактике современного боя, необходимая и неизбежная при поставках беспилотных боевых средств, должна сопровождаться воссозданием и расширением системы подготовки командных кадров для стран ГЮ. Такие расходы следует рассматривать как стратегическое вложение не только в будущее военно-техническое сотрудничество, когда люди, знакомые с российской военной машиной, будут ориентироваться на закупку российских систем и услуг безопасности. В первую очередь это форма инвестиций в формирование благожелательно настроенных к России элит Глобального Юга, где военные у власти остаются существенным фактором.

Наконец, **третье** направление связано с безопасностью реализуемых в странах Юга масштабных инфраструктурных проектов, зачастую попадающих в зону риска из-за внутренних беспорядков или межгосударственных конфликтов. Речь может идти как о непосредственной охране строящихся или функционирующих объектов инфраструктуры, так и о реализации более широкого перечня мер безопасности, сочетающих военные и невоенные методы, в отдельных районах.

Последний подход следует признать крайне важным при принятии решений о строительстве в странах ГЮ атомных станций, в частности – модульных АЭС малой мощности, которые могли бы быть востребованы в небольших государствах, где более круп-

ные энергоблоки избыточны как по вырабатываемой мощности, так и по стоимости строительства. Физическая защита ядерного объекта и ядерных материалов (на площадке и в процессе транспортировки) позволит задействовать российских специалистов на постоянной основе.

МЕСТА ХВАТИТ ВСЕМ?

Огромное поле деятельности на Глобальном Юге позволяет бесконфликтно взаимодействовать самым разным поставщикам услуг развития и безопасности – государства, частный бизнес, частно-государственные партнёрства. Продвижению в такой непривычно мирной (в глобальном контексте, если не принимать во внимание локальные, впрочем, острые конфликты) парадигме способствуют как минимум следующие факторы:

- более низкий, нежели по оси Запад–Восток, уровень геополитического противостояния; это окно возможностей, вероятно, останется открытым до конца нынешнего десятилетия;
- открытость, наличие реальных интересов и субъектность большинства акторов ГЮ;
- большое число разнообразных современных форматов взаимодействия (БРИКС, бизнес-форумы и прочее) – диалоговых, деловых, финансовых, политических.

Россия, наряду с имеющимся опытом, реальными интересами, достаточным при разумном подходе потенциалом, имеет шансы оказаться в числе лидеров «гонки» и уж во всяком случае её бенефициаром.